

Талина
КОЛОСКОВА

Измена

СРОК ГОДНОСТИ

Галина Колоскова

Измена. Срок годности

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Измена. Срок годности / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Поздравляю, — улыбаюсь, задавая вопрос. — У вас будет ребёнок? Она светится. — Да. Мы так счастливы. Он, правда, немного в шоке, но это от неожиданности. Говорит, что всегда мечтал о сыне. С первой женой у него не получилось, а тут... Судьба, наверное. — А жена знает? — спрашиваю тихо. — Ну, что он уходит? Девушка пожимает плечами. Легко, беззаботно. — Мне какая разница? Он говорит, она старая. Тридцать три года, детей нет, карьера какая-то непонятная. Зачем ему такое? Он мужчина видный, успешный, ему нужна семья, наследник. Тридцать три. Как мне. Внутри всё обрывается. Наташка бросает на меня быстрый взгляд. Подруга всё поняла. — А как его зовут? — спрашивает она слишком бодро. — Может, знаю? У меня много клиентов из Москвы. — Андрей, — девушка улыбается. — Андрей Витальевич. Фамилию пока не буду говорить, мало ли. Он не публичный человек. Андрей. Витальевич. Имя и отчество моего мужа. Моего Андрея.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Галина Колоскова

Измена. Срок годности

Пролог

Окна нараспашку, но в комнате всё равно душно. Сентябрь в этом году выдался сумасшедший — солнце печёт, как в июле, асфальт плавится, воздух густой, словно кисель. Я стою у открытого чемодана, лежащего на кровати и перебираю его рубашки. Бежевую или голубую? Голубую. К глазам подходит.

Слышу шаги в коридоре. Андрей заходит с телефоном в руке, смотрит на экран, на меня не смотрит. Лицо напряжённое, брови сдвинуты — я этот взгляд знаю. Так он смотрит, когда хочет сообщить что-то, что мне не понравится.

— Рит, — говорит он, и по голосу уже всё понятно. — Тут такое дело...

Я замираю с рубашкой в руках. Смотрю на него. Жду.

— Командировка. Срочная. — Он убирает телефон в карман и наконец поднимает глаза. — Звонил Сомов, проект в Нижнем, инвесторы прилетают только завтра, надо вылетать сегодня вечером. Я не могу отказаться, понимаешь?

Я молчу. Считаю про себя до трёх, чтобы не сорваться. Смотрю на рубашку в своих руках, на его чемодан, который я только начала собирать, и чувствую, как внутри закипает что-то тёплое и липкое. Обида.

— Сегодня? — переспрашиваю ровным, даже слишком, голосом. — Андрей, сегодня двадцатое. Послезавтра мой день рождения. Мы же договаривались. Крым, домик у моря... помнишь? Ты сам предложил.

Он вздыхает. Подходит ближе, хочет обнять, но я делаю шаг назад. Рука повисает в воздухе, он убирает её в карман.

— Рит, ну ты чего? Я помню, конечно. Просто так получилось. Бизнес, сама понимаешь. Если мы этот проект упустим, нас конкуренты сожрут. Я для нас стараюсь, для семьи, — он говорит это быстро, как заученный текст, и я понимаю, что Андрей уже всё решил. Моё мнение здесь не учитывается.

— Для семьи, — повторяю эхом. — А в семье, оказывается, дни рождения можно переносить. И Крым подождёт.

— Рит, не начинай!.. — В его голосе появляются нотки раздражения. — Я приеду через три дня, и мы всё отметим. В ресторане, как ты любишь. С цветами, с шампанским. Хочешь, в «Пушкинь» сходим?

Смотрю на него и вижу: он искренне не понимает. Для него это просто дата. Очередной день в календаре, который можно сдвинуть, как деловую встречу. А для меня... Для меня шанс. Вырваться из этой клетки из бетона и стекла, подышать морем, почувствовать себя живой. Мы же так редко бываем вдвоём. Он вечно в разъездах, а я одна в большой квартире с панорамными окнами и видом на соседние высотки.

— Я не хочу в «Пушкинь», — говорю тихо. — Я хотела в Крым. Хотела посмотреть домики. Мечтала, понимаешь? Мечтала, как мы будем сидеть на веранде, пить вино и слушать море.

— Мечты сбудутся, — он наконец подходит и обнимает. От него пахнет его парфюмом, терпким, дорогим, и этот запах вдруг становится противным. — Просто чуть позже. Ну не могу я сейчас, правда. Билеты уже куплены, команда ждёт. Мне нужно быть там.

Утыкаюсь носом в его плечо и молчу. Потому что, если открою рот — разревусь или наговорю гадостей. А скандалы я ненавижу. Они выматывают, оставляют после себя противный осадок и чувство собственной никчёмности.

— Ладно, — шепчу в его пиджак. — Езжай.

Он целует меня в макушку и идёт к шкафу за пиджаком. А я стою и смотрю на его чёртов чемодан. На голубую рубашку, которую уже не нужно никуда класть. Он сам соберётся. Он всегда собирается сам.

Вечером стою в прихожей и смотрю, как он завязывает шнурки на ботинках. Кожаные, итальянские, я дарила. Ворчу про себя: «Итальянские ботинки, подарок жены, поедут в командировку, где нет жены».

— Не скучай, — он целует меня в губы — быстро, по-дежурному. — Звони, если что.

Хлопает дверь. Щёлкает замок. Тишина.

Я стою в прихожей и слушаю, как затихают шаги в лифте. Смотрю на часы — половина восьмого. Впереди целый вечер, ночь, завтрашний день, послезавтра день рождения — и всё в одиночестве.

Квартира давит. Эти стены, эта тишина, эти панорамные окна, за которыми чужая жизнь. Я захожу в спальню, сажусь на край кровати, смотрю на его пустую подушку. И вдруг понимаю, что не могу здесь оставаться. Ещё минута — и начну говорить сама с собой, а это уже клиника.

Набираю Наташку.

— Ты где? — спрашиваю, когда она берёт трубку.

— Дома, — вздох усталости. — Клиентов сегодня было — жуть. А ты чего?

— Можно к тебе? — голос дрожит, хоть я и пытаюсь его контролировать. — Андрей улетел. Я одна. Не могу находиться в четырёх стенах.

— Приезжай, конечно, — она сразу оживает. — У меня борщ, вино белое в холодильнике. Будем жалеть друг друга.

Я усмехаюсь. Наташка — риелтор по элитной недвижимости, у неё таких «жалостливых» вечеров по сотне в год. Мы знакомы с универа, она единственная, кто знает меня настоящую. Не Риту, улыбающуюся на корпоративах и говорящую правильные вещи, а ту, которая может разреваться из-за дурацкой командировки.

Я беру сумку, кидаю туда пару футболок, косметичку, телефон. На выходе оборачиваюсь. Наша гостиная в тёплом свете торшера выглядит уютно. Картины на стенах, диван, на котором мы сидели в обнимку месяц назад, пересматривая любимый фильм. Сейчас он кажется чужим. Всё кажется чужим.

Закрываю дверь. Лифт едет долго. Выхожу из подъезда, сажусь в машину. Завожу мотор, и радио сразу орёт какой-то весёлый поп-мотив. Я выключаю. Тишина в машине лучше, чем чужое веселье.

Еду по пустому проспекту. Фонари светят жёлтым, в салоне пахнет моими духами и кофе из утреннего стакана, что забыла выкинуть. Думаю о том, что послезавтра мне тридцать три. И что я снова встречаю день рождения не так, как мечтала. В прошлом году муж был в командировке, я сидела с Наташкой в суши-баре. В позапрошлом — тоже что-то такое. Мы стали встречаться по расписанию, как поезда на разных станциях. Он проносится мимо, я машу рукой и жду следующего.

Наташка открывает дверь сразу, будто знала, что именно в этот момент я появлюсь.

— Проходи, — она обнимает меня. От домашнего халата пахнет порошком и чем-то тёплым. — Ну что за козёл, а? В день рождения бросил!

— Он не бросил, — отвечаю на автомате, оправдывая собственную женскую несостоятельность. — Он на работу уехал.

— Рит, ты сама-то слышишь себя? — она ведёт меня на кухню, усаживает за стол. — «На работу». А ты не работа? Ты шесть лет пашешь его женой. Разве это не должность? Без зарплаты, премий и выходных.

Я молчу. Наливаю себе вина. Белое, полусухое, моё любимое. Делаю глоток и чувствую, как внутри отпускает. Хоть чуть-чуть.

— Завтра у меня показ в новостройке, — объявляет Наташка, садясь напротив. — Клиентка, молодая девица, ищет квартиру для себя и своего мужика. Он из Москвы к ней переезжает, разводится с женой. Романтика.

Я криво усмехаюсь.

— Разводится с женой. Звучит как начало анекдота.

— Вот именно... — Наташка подливает мне ещё. — Слушай, поехали со мной завтра? А то одной тоскливо, а она просила строго в пять, у меня потом ещё показ. Составишь компанию? Хоть развеешься.

Я думаю. Сидеть у неё дома и смотреть в стену — не вариант. Тем же могла заниматься дома. Тащиться в пустую квартиру — тем более. Но хоть опыта набраться — общение с чьей-то разлучницей.

— Ладно, — соглашаюсь. — Поехали. Хоть посмотрю, на что похожи эти ваши новостройки.

Наташка улыбается.

— Вот и договорились. А сейчас давай ужинать борщом. Мужики — козлы, а борщ вечный.

Я смеюсь. Впервые за сегодня. И в этом смехе так мало веселья и так много горечи, что мне становится стыдно. Но я пью вино, ем борщ, слушаю Наташкину болтовню о клиентах-уникумах. И постепенно отпускает.

За окном темнеет. Город зажигает огни. Я сижу на маленькой кухне в Королёве и не знаю, что завтрашний день разделит мою жизнь на «до» и «после». Не знаю, что через сутки я увижу его руку на чужом животе. Не знаю, что «старуха», про которую будет щебетать молоденькая дурочка, — это я.

Но пока я ничего не знаю. Пока я тихо радуюсь, что не осталась этим вечером одна.

Глава1

Октябрь в этом году решил доказать, что он не золотая осень, а грязный, мокрый, промозглый ноябрь, наступивший раньше времени. Небо низкое, серое, давит на плечи. Дождь моросит, не переставая — противный, мелкий, он проникает под воротник куртки, заставляет ёжиться и мечтать о тёплом пледе и чашке глинтвейна.

Но дома никого нет. Дома пустота.

Я сижу в Наташкиной машине, смотрю на капли, стекающие по стеклу, и пытаюсь убедить себя, что мне не хреново. Что я просто соскучилась по мужу. Что через два дня он вернётся, привезёт какой-нибудь дурацкий сувенир из аэропорта, обнимет и скажет: «Скучал, Рит. Дико скучал». И я снова поверю. Я всегда ему верю.

— Ты как? — Наташка трогает меня за плечо. — Выглядишь так, будто сейчас разрываешься.

— Я в порядке, — звучит настолько фальшиво, что мы обе смеёмся. Коротко, безрадостно. — Просто устала. И эта погода...

— Знаю, — она вздыхает. — Слушай, клиентка скоро подойдёт. Квартира в новостройке на окраине, вид на лесопарк, метро рядом. Молодые сейчас такое любят. Посмотришь со мной? А то одной тоскливо по этим коробкам шастать.

— Конечно, — пожимаю плечами. — Мне всё равно делать нечего.

Мы выходим под дождь. Наташка раскрывает огромный чёрный зонт. Жмёмся друг к другу и бежим к подъезду. Стекланные двери, консьерж в униформе, лифт с зеркалами — всё стерильное, новое, пахнет деньгами и свежим ремонтом.

Квартира на четырнадцатом. Наташка возится с ключами, ругается сквозь зубы. Дверь наконец поддаётся, и мы входим.

Светлая. Просторная. Огромные окна в пол, за ними — серое небо и мокрые крыши. На подоконнике стоит ваза с подсохшими цветами. Пахнет ванилью и кофе. Хорошее сочетание запахов. Кто-то старался создать уют для показа.

— Хозяйка постаралась, — комментирует Наташка, оглядываясь. — Аромадиффузоры, цветы. Молодые любят, чтобы сразу «заходи и живи». Сейчас клиентка придёт, будем смотреть.

Я подхожу к окну. Смотрю вниз, на машины-игрушки, на людей-муравьёв. Думаю о том, что вот так же, с высоты, моя жизнь кажется маленькой и незначительной. А на самом деле она просто пустая.

Звонок в домофон разрывает тишину. Наташка бежит открывать. Я остаюсь у окна, изображаю, что рассматриваю вид за стеклом. Слышу голоса в коридоре, цоканье каблучков, Наташкин деловой тон.

— Проходите, смотрите. Квартира замечательная, вид на лес, планировка свободная, можно сделать любой дизайн...

Девушка, которая входит в гостиную, — молоденькая. Лет двадцать, не больше. Тонкая, светловолосая, в бежевом пальто и белых кроссовках. Лицо свежее, без косметики, но глаза уже взрослые — цепкие, оценивающие. Она оглядывает комнату, проходит к окну, замечает меня.

— Здравствуйте, — кивает. — Вы тоже риелтор?

— Нет, я с подругой, — отвечаю. — Компанию составила.

Она улыбается открытой, доверчивой улыбкой. Такие обычно нравятся мужчинам за сорок — в них ещё нет женской колючести, усталости. Хочется обнять и защитить.

— А я вот смотрю, — говорит она, обводя рукой комнату. — Нам с мужем нужно что-то просторное. Он из Москвы переезжает, будет здесь работать. У него свой бизнес, финансовый сектор. А пока наш дом строится, нужно где-то жить.

— Дом строится? — переспрашивает Наташка профессионально-заинтересованно. — А где именно?

— В Новой Москве, — девушка поправляет волосы. — Участок уже купили. Он говорит, через год сдадут. А пока... ну, вы понимаете, надо где-то ютиться. Хочу, чтобы ему было комфортно. Чтобы приходил с работы и отдыхал.

Она гладит себя по животу. Живот ещё плоский, почти незаметный, но жест — интимный, собственнический — выдаёт всё.

— Поздравляю, — говорю я. — У вас будет ребёнок?

Она светится. Честное слово, светится изнутри.

— Да. Мы так счастливы. Он, правда, немного в шоке, но это от неожиданности. Говорит, что всегда мечтал о сыне. С первой женой у него не получилось, а тут... Судьба, наверное.

Я смотрю на неё и чувствую что-то странное. Неприятный холодок под ложечкой. Почему-то вспоминаются слова «первая жена», сказанные с таким пренебрежением, будто речь о надоевшей работе, которую наконец-то бросили.

— А жена знает? — спрашиваю тихо. — Ну, что он уходит?

Девушка пожимает плечами. Легко, беззаботно.

— Мне какая разница? Он говорит, она старая. Тридцать три года, детей нет, карьера какая-то непонятная. Зачем ему такое? Он мужчина видный, успешный, ему нужна семья, наследник. А она... Ну что она может дать?

Тридцать три. У меня внутри всё обрывается. Я смотрю на неё, на её молодое лицо, на её плоский живот, и мне хочется закричать. Или засмеяться. Или развернуться и уйти.

Наташка бросает на меня быстрый взгляд. Она всё поняла. Она всегда всё понимает.

— А как его зовут? — спрашивает она слишком бодро. — Может, знаю? У меня много клиентов из Москвы.

— Андрей, — девушка улыбается. — Андрей Витальевич. Фамилию пока не буду говорить, мало ли. Но вы, наверное, не знаете. Он не публичный человек.

Андрей. Витальевич. Имя и отчество моего мужа. Моего Андрея.

Я смотрю на неё и вижу, как она счастлива. Как верит в выстроенную для неё сказку. Она не думает, что через несколько лет её тоже могут назвать старой. Что её карьера, её дети, её жертвы — всё это станет мусором, когда появится кто-то моложе.

— Рит, — Наташка трогает меня за локоть. — Ты как?

— Нормально, — говорю без паники, ровно, спокойно. Мало ли мужчин с таким именем и отчеством? Мой сейчас в Новгороде на встрече с инвестором. — Пойду воды выпью, что-то в горле пересохло.

— В машине вода, — Наташка протягивает ключи. — Я сейчас, быстро покажу ей вторую комнату и спущусь.

Я киваю. Выхожу в коридор. Нажимаю кнопку лифта. Жду. В голове пустота. Абсолютная, звенящая пустота. Только цифры этажей мелькают на табло.

В машине сижу минуту, две, три. Пью воду. Смотрю на капли на стекле. Задумываюсь о том, что через два дня у меня день рождения. Тридцать три года. Христос, говорят, в этом возрасте воскрес. А я, видимо, должна умереть.

Звонок от Наташки.

— Рит, ты где? — голос у неё странный. — Она вышла встречать его. Он должен подъехать. Ты... ты как?

— Я поднимаюсь, — борюсь с интуицией, вопящей, чтоб не делала этого. — Хочу посмотреть.

— Не надо, — быстро говорит она. — Рит, не надо, прошу тебя.

— Надо.

Лифт поднимается вечность. Смотрю на себя в зеркало — бледная, глаза огромные, губы дрожат. Беру себя в руки. Сжимаю кулаки. Выхожу на этаж.

Коридор длинный, серый, пахнет штукатуркой. Дверь в квартиру приоткрыта. Я слышу голоса. Её щебетание: «...посмотри, милый, тут так светло, я сразу поняла, это наше». И его голос. Низкий, знакомый до боли. Тот самый голос, что шесть лет шептал мне: «Ритка, ты моё чудо».

Я подхожу к двери. Заглядываю в щель.

Он стоит спиной. В тёмно-синем пальто, которое я выбирала ему в ЦУМе. Обнимает её за талию, одной рукой гладит живот. Наклоняется, целует в макушку. Она смеётся, запрокинув голову.

— Нам здесь будет хорошо, правда? — говорит она. — Ты только не бойся. Я всё устрою.

— Я ничего не боюсь, — отвечает он. — Рядом с тобой я счастлив.

Открываю дверь. Делаю шаг внутрь. Ещё шаг.

Она видит меня первой. Глаза округляются, улыбка сползает.

— Ой, какая вы бледная, — в больших глазах появляется страх. — А вы... вы не болеете? Сейчас говорят идёт страшный грипп.

Он оборачивается.

Наши взгляды встречаются.

В его глазах — ужас. Абсолютный, животный ужас человека, пойманного на месте преступления. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я опережаю.

— Андрей, — голос звучит ровно, даже спокойно. Сама себе удивляюсь. — А я тут квартиру присматриваю. Вместо домика в Крыму, помнишь? Ты же обещал, что мы сможем на пару дней. Но у тебя командировка, да? Срочная, важная. А я, видишь, без тебя не сижу сложа руки. Досуг нам выдумываю. О будущем беспокоюсь.

Она переводит взгляд с меня на него.

— Ты её знаешь? — спрашивает растерянно.

— Знает, — отвечаю с усмешкой. — Я та самая старуха. Тридцать три года, никакой карьеры, детей нет. Бабка, которую он разменял на молодую матку.

— Рита, — он делает шаг ко мне. — Рита, послушай...

— Не подходи, — выставляю перед собой руку. Ладонь даже не дрожит. Интересно. — Ты уже всё сказал, когда соглашался на эту квартиру. Когда называл меня старой. Когда трогал её живот... — Пожимаю плечами. — Этим всё сказано.

— Это не то, что ты думаешь, — он произносит шаблонную фразу, и я понимаю, что дальше пойдёт стандартный набор: «я люблю тебя», «это ошибка», «она сама». Скучно.

— А я ничего не думаю, — гляжу на него в упор. — Я просто смотрю и вижу чужого человека.

Поворачиваюсь к ней. У неё лицо белое, губы дрожат. Молодая, глупая, счастливая. Скоро она станет умной и несчастной. Но это не моя проблема.

— Квартира хорошая, — растягиваю губы в улыбку. — Только кроватку советую ставить не у окна — дует. И мужа держи крепче. А то знаешь, они такие... скользкие.

Выхожу в коридор. Иду к лифту. Нажимаю кнопку. Спина прямая, ноги не подкашиваются. Только когда двери закрываются, позволяю себе выдохнуть.

В груди пожар. В голове — барабанная дробь. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Не плакать... Только не плакать!

На улице дождь хлещет по лицу, смешивается со слезами, всё же вырвавшимся на свободу. Сажусь в машину, включаю печку на полную, пустым взглядом пялюсь на подъезд.

Телефон вибрирует. На экране — «Демид». Наташкин брат.

— Рита, — голос глухой, встревоженный. — Наташка мне всё рассказала. Ты где?

Я открываю рот и не могу сказать ни слова. Только всхлип. Один, второй. И понеслось.

— Я сейчас приеду, — говорит он. — Сиди в машине. Запрись и сиди. Я буду через сорок минут.

Киваю, словно он меня видит. Сбрасываю звонок. Смотрю на подъезд, из которого сейчас выйдет он. С ней. С их будущим. И понимаю: домой я не вернусь. Никогда.

Потому что дома больше нет.

Глава 2

Плохо соображаю, что сейчас произошло. Не понимаю, каким образом я оказалась в другой части города. Как смогла доехать сюда в таком состоянии? Сколько времени нахожусь в кармане перед аптекой? Что хотела купить? Лекарство от предательства? Таблетку для семейного счастья? Сажу в машину, смотрю на дождевые капли. Они ползут по стеклу, обгоняют друг друга, сливаются в мутные ручьи. За этим можно наблюдать вечность. Особенно когда внутри — пустота.

Телефон вибрирует. Наташка пишет: «Ты как? Он вышел?». Не отвечаю. Потом ещё: «Демид выехал за тобой, скоро будет». Я даже не спрашиваю, откуда она знает. Наташка всегда всё знает. И всегда всё решает.

Сорок минут. Считаю их по каплям. По ударам сердца. По тому, как темнеет за окном. Фонари зажигаются один за другим, жёлтые, едва различимые, больные. Они размазывают дрожащий в лихорадке свет по мокрому асфальту.

Стук в стекло. Вздрагиваю. Демид стоит под дождём без зонта, куртка нараспашку, волосы мокрые, прилипли ко лбу. Открываю дверь.

— Пересядь, — кивает он на второе сиденье. — Я поведу.

Послушно перебираюсь на пассажирское. Он садится за руль, заводит мотор, включает печку на полную. Тёплый воздух бьёт в лицо, но меня всё равно трясёт.

— Ты как? — спрашивает, глядя на дорогу.

— Нормально.

— Рита?..

Морщусь не желая слышать имя неудачницы, не сумевшей удержать мужа. Сиплю:

— Я в порядке, Демид. Правда. Вези к Наташке.

Он смотрит на меня секунду, потом кивает и выезжает со стоянки.

Мы едем молча. В машине пахнет мокрой тканью и его парфюмом — деревом, табаком, чем-то надёжным. Я смотрю в окно и пытаюсь вспомнить, как дышать. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Получается с трудом.

— Ты ничего не хочешь спросить? — хриплю другу детства.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сама расскажешь, когда захочешь.

Закрываю глаза. В голове — карусель. Его рука на её животе. Её счастливое лицо. «Старуха». «Не смогла родить». Слова врезаются в мозг раскалёнными иглами.

Наташка встречает нас в дверях. Халат нараспашку, под ним футболка, волосы растрёпаны. Обнимает меня так крепко, что хрустят кости.

— Дура ты, Ритка... — шепчет она в ухо. — Дура. Зачем ушла? Нужно было выплеснуть на него, а не варить злость в душе. Но я тебя люблю.

Я не плачу. Слёз нет. Только сухость в глазах и странное ощущение, что всё это происходит не со мной. Что смотрю фильм про женщину, которую предали, а я просто зритель в тёмном зале.

— Чай? — спрашивает Наташка, заглядывая в глаза. — Вино? Валерьянка?

— Спать, — отвечаю без сил. — Просто спать.

Она отводит меня в гостиную. Диван разложен, бельё свежее. Ложусь, укрываюсь пледом до подбородка и смотрю в потолок. Наташка стоит в дверях, мнёт край халата.

— Ты точно в порядке?

— Точно. Иди спи.

Она уходит. Слышно, как шепчется с Демидом в коридоре, потом хлопает дверь его комнаты. Тишина.

Потолок. Белый, ровный, с идеально гладкой поверхностью. На нём нет ни трещинки. Как в нашей жизни не было трещин — до сегодня. А может, они были всегда, просто я их не замечала?

Мысли не дают уснуть. Перебираю кадры, как старые фотографии.

Благотворительный вечер в «Метрополе». Я в тёмно-синем платье в пол, волосы уложены, улыбка идеальная. Андрей под руку представляет меня партнёрам: «Моя жена». Они смотрят с одобрением. Красивая, молодая, статусная. Хорошая витрина.

Ужин с клиентами в «Beluga». Я поддерживаю светскую беседу, шучу, смеюсь в нужных местах. Андрей довольно улыбается. После, в машине, он скажет: «Ты сегодня была великолепна. Они в восторге». Я растаю от похвалы. Я всегда таяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.